

(1) Внутри дворца господствовали мрак и тишина. (2) И внутрь прокуратор, как и говорил Афранию, уйти не пожелал. (3) Он велел постель приготовить на балконе, там же, где обедал, а утром вел допрос. (4) Прокуратор лег на приготовленную ложе, но сон не пожелал прийти к нему. (5) Оголенная луна висела высоко в чистом небе, и прокуратор не сводил с нее глаз в течение нескольких часов.

(6) Примерно в полночь сон наконец сжалился над ижемоном. (7) Судорожно зевнув, прокуратор растегнул и сбросил плащ, снял опоясывающий рубаху ремень с широким стальным ножом в ножнах, положил его в кресло у ложа, снял сандалии и вытянулся. (8) Банга поднялся к нему на постель и лег рядом, голова к голове, и прокуратор, положив собаке руку на шею, закрыл наконец глаза. (9) Только тогда заснул и пес.

(10) Ложе было в полутьме, закрываемое от луны колонной, но от ступеней крыльца тянулась к постели лунная лента. (11) И лишь только прокуратор потерял связь с тем, что было вокруг него в действительности, он немедленно тронулся по светящейся дороге и пошел по ней вверх прямо к луне. (12) Он даже рассмеялся во сне от счастья, до того все сложилось прекрасно и неповторимо на прозрачной голубой дороге. (13) Он шел в сопровождении Банги, а рядом с ним шел бродячий философ. (14) Они спорили о чем-то очень сложном и важном, причем ни один из них не мог победить другого. (15) Они ни в чем не сходились друг с другом, и от этого их спор был особенно интересен и нескончаем. (16) Само собой разумеется, что сегодняшняя казнь оказалась чистейшим недоразумением – ведь вот же философ, выдумавший столь невероятно нелепую вещь вроде того, что все люди добрые, шел рядом, следовательно, он был жив. (17) И, конечно, совершенно ужасно было бы даже помыслить о том, что такого человека можно казнить. (18) Казни не было! (19) Не было! (20) Вот в чем прелесть этого путешествия вверх по лестнице луны. (21) Свободного времени было столько, сколько надобно, а гроза будет только к вечеру, и трусость, несомненно, один из самых страшных пороков. (22) Так говорил Иешуа Га-Ноцири. (23) Нет, философ, я тебе возражаю: это самый страшный порок.

(24) Вот, например, не струсил же теперешний прокуратор Иудеи, а бывший трибун в легионе, тогда, в долине дев, когда яростные германцы чуть не загрызли Крысобоя-великана. (25) Но, помилуйте меня, философ! (26) Неужели вы, при вашем уме, допускаете мысль, что из-за человека, совершившего преступление против кесаря, погубит свою карьеру прокуратор Иудеи?

(27) – Да, да, – стонал и всхлипывал во сне Пилат.

(28) Разумеется, погубит. (29) Утром бы еще не погубил, а теперь, ночью, взвесив все, согласен погубить. (30) Он пойдет на все, чтобы спасти от казни решительно ни в чем не виноватого безумного мечтателя и врача!

(31) – Мы теперь будем всегда вместе, – говорил ему во сне оборванный философ-бродяга, неизвестно каким образом вставший на дороге всадника с золотым копьём.

(32) – Раз один – то, значит, тут же и другой! (33) Помянут меня, – сейчас же помянут и тебя! (34) Меня – подкидыша, сына неизвестных родителей, и тебя – сына короля-звездочета и дочери мельника, красавицы Пилы.

(35) – Да, уж ты не забудь, помяни меня, сына звездочета, – просил во сне Пилат.

(36) И, заручившись во сне кивком идущего рядом с ним нищего из Эн-Сарида, жестокий прокуратор Иудеи от радости плакал и смеялся во сне.

(37) Все это было хорошо, но тем ужаснее было пробуждение ижемона. (38) Банга зарычал на луну, и скользкая, как бы укатанная маслом, голубая дорога перед прокуратором провалилась. (39) Он открыл глаза, и первое, что вспомнил, – это что казнь была. (40) Первое, что сделал прокуратор, – это привычным жестом вцепился в ошейник Банги, потом большими глазами стал искать луну и увидел, что она немного отошла в сторону и посеребрилась.

(По М.А. Булгакову)